

Архиерейская хиротония Святителя Луки (Войно-Ясенецкого) в Пенджикенте и ссылка в Енисейск: служение в условиях гонений на церковь в 1924 г.

Кожевников Семен Валериевич

кандидат экономических наук, магистр теологии.

Сибирский федеральный университет.

Красноярск, Россия.

semenk2011@yandex.ru

АННОТАЦИЯ

В статье отражено служение святителя Луки (Войно-Ясенецкого), принявшего сан епископа в Пенджикенте (Таджикистан) в 1923 г. в условиях усиления гонений власти большевиков на Российскую Православную Церковь, возглавляемую патриархом Тихоном (Белавиным). Подробно раскрыта архипастырская и подвижническая деятельность свт. Луки в первой ссылке в 1924 г. (город Енисейск), отмечена атмосфера служения епископа, показано отношение разных групп общества и местной власти к Церкви, священнослужителям и верующим, а также рассмотрен феномен обновленчества, организованного властью в 1922 г. для уничтожения Церкви. Как следствие гонений на Церковь в статье также сказано о трагической судьбе священнослужителей.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

Епископ Лука (Войно-Ясенецкий), Пенджикент, Енисейск, Российская Православная Церковь, обновленчество.

До сих пор личность святителя Луки (хирурга В.Ф. Войно-Ясенецкого) пользуется интересом у священнослужителей, верующих людей, медицинской общественности и, разумеется, у исследователей. Их интерес вызывает архиерейское служение свт. Луки, принявшего монашеский постриг с именем евангелиста Луки и в разгар большевистских гонений на религию ставшего епископом Российской Православной Церкви (РПЦ). О владыке Луке за десятилетия написаны книги и статьи [2; 3; 5 и др.]. Многие из них посвящены исповедническому и архипастырскому подвигу епископа-хирурга. Вместе с тем, на наш взгляд, не хватает отдельного исследования в котором бы подробно отражалось служение свт. Луки в 1920-е годы в период его первой ссылки. Интерес к более глубокой проработке этого вопроса на примере служения свт. Луки в Енисейске (1924) после принятия им архиерейской хиротонии в Пенджикенте (1923) послужил поводом для написания настоящей статьи.

В нашем крае святитель Лука (Войно-Ясенецкий) оказался только потому, что 31 мая 1923 г. в городе Пенджикенте (Таджикистан) он был тайно рукоположен в епископа РПЦ ссыльными каноническими епископами Даниилом (Троицким) и Василием (Зуммером) [6, с. 189–192]. За несколько дней до этого в Ташкенте епископом Андреем (Ухтомским) отец Валентин Войно-Ясенецкий был тайно пострижен в монашество с именем Лука. Это было нужно для того, чтобы он смог стать епископом. И уже иеромонах Лука тайно выехал через Самарканд в Пенджикент. До принятия монашества, с 15 февраля 1921 г., то есть с праздника Сретения Господня, когда В.Ф. Войно-Ясенецкий был рукоположен в священника епископом Иннокентием (Пустынским) [9, с. 31] и стал отцом Валентином, он проповедовал и служил в ташкентской церкви. Там же, в Ташкенте он работал главным врачом и хирургом городской больницы.

Именно архиерейская хиротония в Пенджикенте привела владыку Луку в Енисейск, в деревню Хая Богучанского уезда, в г. Н. Туруханск, в станок Плахино и в Красноярск. Это была первая ссылка епископа-хирурга, последовавшая после его

ареста 10 июня 1923 г. в Ташкенте, дальнейшего пребывания в тюрьмах Ташкента, Москвы и следовавшего затем этапом через города Тюмень, Омск, Новосибирск, Красноярск и, наконец, Енисейск.

Давно известно, что город Енисейск несколько столетий, включая и XX век, был местом дальней ссылки неугодных властям личностей, не исключая и религиозных деятелей. Так, в XVII в. здесь отбывал ссылку неугодный официальной церковной власти протопоп Аввакум Петров. В 1655 г. он проезжал через этот город на восток, а в 1662 г., возвращаясь в Москву через Енисейск, провёл здесь целую зиму [14, с. 13]. В XX в. в Енисейск ссылались уже те, кто был негоден большевикам. Так, осенью 1929 г. в городе не по своей воле находился первый местоблюститель патриаршего престола РПЦ митрополит Кирилл (Смирнов). Он проживал в доме на ул. Фефелова [там же, с. 177–178]. На этой же улице в 1924 г. жил ссыльный епископ Лука (Войно-Ясенецкий).

О своей первой ссылке и, соответственно, о жизни и деятельности в Енисейске В.Ф. Войно-Ясенецкий достаточно подробно вспоминает в автобиографии. Главное, на что он обращает внимание, описывая своё пребывание в этом северном сибирском городе, – на свою работу врача и служение архиерея в условиях активизации гонений на Церковь.

Деятельность владыки Луки в Енисейске отличалась особой активностью и риском для здоровья и даже для жизни. Положение Церкви в этом городе, как и по всей стране, было сложным и тяжёлым. Очевидно, что традиционная система организации религиозной жизни ломалась [4, с. 42], причём шло это быстрыми темпами и сопровождалось новшествами. Так, в 1922 г. большевики организовали обновленческое движение, целью которого изнутри расшатать и развалить РПЦ. Помимо канонических викарных епархий, сохранявших верность патриарху Тихону, «одновременно – возникали и закрывались самочинные обновленческие и, позже, григорианские самочинные структурные подразделения» [10, с. 319]. В самой Енисейской губернии существовали каноническая Красноярская и Енисейская епархия с Минусинским и, в 1933–1937 гг., Ачинским викариатствами, а также параллельно – обновленческие Красноярская и Енисейская епархия с Ачинским и Минусинским викариатствами, и Канская епархия. Кроме того, действовало «Ачинское викариатство Григорианского раскола» [Там же]. В Енисейске «обновленчество обосновалось в Успенской и Троицкой церквях» [14, с. 175].

По сведениям первого обстоятельного биографа свт. Луки М.А. Поповского в городе было «одиннадцать, включая собор, златоглавых церквей» [12, с. 155]. По другим данным ещё в 1916 г. в Енисейске насчитывалось 8 церквей, 2 монастыря и несколько часовен [11]. Для небольшого города это было немало. Однако с окончательным приходом к власти большевиков в январе 1920 г. положение в церковных делах резко изменяется. Так, согласно декрету ВЦИК от 16 февраля 1922 г. «Об изъятии церковных ценностей для реализации на помощь голодающим» ускоренно и грубо в церквях и монастырях изымались ценные предметы из золота, серебра и драгоценных камней. Оставлялся минимум церковной утвари, без которой невозможно было совершать богослужения. Чрезмерное изъятие церковных ценностей, порой с применением военной и физической силы, происходило в Енисейске в условиях, когда религиозные общины Енисейского и других уездов поддерживали большевистскую власть в вопросе оказания помощи голодающим Поволжья [4, с. 70].

Помимо всех бед, обрушившихся на Церковь, после 1922 г. в Енисейске не было постоянного архиерейского управления, что давало возможность новой власти не только массово разграблять церкви и обители, но также конфисковывать монастырские земли и передавать их в государственный фонд.

В разрушении и грабеже большевиков не останавливало и то, что большинство городских и монастырских церквей Енисейска было построено в XVIII – начале XIX вв. Эти церкви представляли из себя уникальные образцы архитектурного стиля «сибирское барокко» [17]. Внутреннее наполнение храмов было богатым и насыщенным. Поэтому новым «хозяевам жизни» было что забрать и не всегда использовать по назначению. Церкви не только ущемляли, но закрывали и передавали под хозяйственные и иные нужды. К примеру, Иверскую церковь женского монастыря г. Енисейска власти отдали под детскую колонию юных преступников, с общиной верующих Преображенской церкви, хотя в 1924 г. и расторгли договор по формальному основанию (не сделан ремонт), но церковь пока не закрывали. Таким образом, в Енисейске в 1923 г. перед самым приездом В.Ф. Войно-Ясенецкого прошла первая волна закрытия церквей. Многие священнослужители не выдерживали давления и принимали условия обновленцев и поддерживавшей их власти.

Столкнувшись с явлением обновленчества и гонением на РПЦ ещё в Ташкенте и Пенджикенте, епископ Лука стал свидетелем развития наступления на Церковь и священнослужителей в Енисейске, что подвигло его встать на их защиту, продолжить своё служение и рукополагать новых кандидатов в дьяконы и священники. Делу служения и борьбе за сохранение Церкви и чистоты православной веры способствовало получение владыкой Лукой в Москве удостоверения от патриарха Тихона. Это произошло перед самой отправкой в ссылку, 23 ноября 1923 г. В документе сказано, что он, преосвященный Лука, как епископ православный состоит с патриархом в каноническом общении [3, с. 51].

Имея с собой это удостоверение, вместе с ташкентским протоиереем Михаилом Андреевым епископ Лука уехал в ссылку в Енисейск в начале зимы 1924 г. В Тюмени к ним вынужденно присоединился протоиерей Илларион Голубятников [9, с. 43]. По приезде в Енисейск к ним примкнул ещё один ссыльный священник, и они «по воскресным и праздничным дням совершали всенощную и Литургию в своей квартире» [Там же, с. 45], в которой епископ Лука освятил домашнюю церковь и проповедовал. Площадь квартиры позволяла это делать. На простые и утешительные проповеди ссыльного владыки тянулось большое количество местных верующих [6, с. 227].

К приезду В.Ф. Войно-Ясенецкого в Енисейск местные белокаменные церкви ещё стояли целыми. Святитель вспоминал: «В Енисейске было много церквей, но и здесь, как и в Красноярске, священники уклонились в “живоцерковный” раскол, и с ними, конечно, мы не могли молиться» [9, с. 45]. О том, кто уклонился, а кто – нет, ссыльному епископу стало известно почти сразу же, поскольку он интересовался, каких взглядов придерживаются местные священники. От этого зависело, сможет ли он посещать енисейские храмы и проповедовать в них [6, с. 225].

«Один диакон сохранил верность Православию, и я рукоположил его во пресвитера» [9, с. 45] – свидетельствовал В.Ф. Войно-Ясенецкий. Среди рукоположенных, но уже в иеромонаха, был также монах Христофор (Баушов), неведомой силой влекомый из Красноярска в Енисейск, и по его собственному признанию, десятью годами раньше этой встречи он увидел во сне владыку Луку, рукополагавшего его [Там же]. Биограф свт. Луки академик РАЕН В.А. Лисичкин приводит текст грамоты от 20 марта 1924 г, врученной иеромонаху Христофору в Енисейске после рукоположения. В документе сообщается, что в марте 1924 г. Христофор был вначале рукоположен в иеродиакона, а затем – в иеромонаха, которому «надлежит озаботиться устройством молитвенного дома в г. Красноярске» [7, с. 126]. Вскоре иеромонах Христофор уехал к себе на родину, на Урал, но там его служение не сложилось, как и у многих священнослужителей 1920-х годов. В 1929 г. иеромонах был

арестован, а затем сослан. В ссылке он бедствовал и даже письменно обращался за помощью к владыке Луке, но адресат письма так и не получил [6, с. 229].

В.А. Лисичкин, ссылаясь на протокол допроса от 2 января 1926 г., пишет, что епископ Лука с 18 января по 29 июля 1924 г. совершил два богослужения и двух кандидатов рукоположил в священники [8, с. 159]. Епископ Красноярский Амфилохий (Скворцов) сообщал детальнее: «В городе Енисейске (владыка Лука. – С.К.) совершил еще три Литургии и три всенощных, рукоположен псаломщик Александр Чуриков во диакона, а диакон Николай Тюрнов – во священника» [там же]. Имеются также сведения о рукоположении епископом Лукой в священника Григория Оршинина, который ещё в начале 1930-х годов служил в Троицкой церкви Енисейска и был похоронен в церковной ограде [14, с. 184].

Кроме этого, владыка Лука постриг в монашество двух послушниц закрытого большевиками Иверского женского монастыря и нарёк их именами Лукия и Валентина [9, с. 46]. С ними по окончании ссылки он уехал в Ташкент, где одна из монахинь, Валентина (Черкашина), какое-то время жила в доме Войно-Ясенецких и оказывала помощь по хозяйству и приёму больных [6, с. 235].

После очередного ареста 3 марта 1924 г. [7, с. 126] с монахинями Лукией и Валентиной епископ Лука отправился в деревню Хая.

По прибытии обратно в Енисейск через три месяца, владыка Лука «с 10 июня по 23 августа 1924 года <...> проповедовал не только у себя на квартире, но и в Преображенском храме» [8, с. 159]. Это было вызвано тем, что квартира уже не вмещала всех желающих прихожан и требовалось не только больше места, но нужно было нанести ответный удар набирающим обороты обновленцам. В церкви Преображения Господня епископ Лука служит Литургию архиерейским чином и даже благословляет в ней ранее рукоположенного Николая Тюрнова нести нелёгкое служение настоятеля в селе Ворогове, что рядом с Енисейском [6, с. 249–250]. Но, как и в случае с отцом Христофором, отец Николай испытал тяготы тюремного заключения.

Самовольное с точки зрения енисейской власти открытие владыкой Лукой Преображенской церкви не обошлось даром для священнослужителей и верующих. Так, в июле 1924 г. церковь была подвержена административному штрафу [13, л. 25об]. То же самое постигло другие православные церкви города, а также синагогу и мечеть. Но гораздо страшнее было не это.

Тюрьмы и ссылки становились привычными местами пребывания многих священнослужителей Советского Союза. Большинство тех, кто не сломился и пошёл до конца, объединяла незыблемая вера в Христа и преданное служение Церкви и народу. Многие священнослужители погибли. К примеру, отец Илья Пироженко, репрессированный в 1920-х годах, был узником в Соловецком лагере, затем оказался в Енисейске и служил в Троицкой церкви [14, с. 184]. Как и епископ Лука, будущий мученик за веру, выходя из храма, не снимал с себя крест и рясу. Но его ждала более тяжкая участь, чем будущего святителя. 16 октября 1937 года по приговору тройки УНКВД Дальневосточного крайсуда отец Илья был расстрелян в Магадане [Там же, с. 185].

Безусловно, владыка Лука видел происходящее и его учёный ум понимал, к чему ведёт антирелигиозная политика большевиков. Но даже в условиях уничтожения Церкви он был верен словам Христа, заповедовавшего: «Я создам Церковь Мою и врата ада не одолеют ее» (Мф 16:18). Как приемник апостолов, опираясь на историю Церкви, епископ Лука знал, что почти за 2 000 лет Церковь Христова неоднократно подвергалась гонениям и выстояла. Поэтому ссыльный архиерей не унывал в Енисейске и продолжал свою подвижническую деятельность по спасению местной паствы и духовенства и с уверенностью шёл на риск.

Через много лет работавший с В.Ф. Войно-Ясенецким в Енисейске доктор А. В. Башуров рассказывал вопиющий для 1920-х годов случай самовольного открытия епископом Лукой церкви в Енисейске (возможно, что речь шла о церкви Преображения Господня. – С. К.). Храм был закрыт, богослужений в нём не велось, а священник находился под арестом. На вопрос местного должностного лица о том, кто разрешил открыть закрытую властью церковь и служить, владыка Лука ответил: «Разве нам запрещено молиться Богу? Я подчиняюсь только Ему и Патриарху» [12, с. 22]. На такой поступок был способен лишь человек, сильный духом и глубокой веры. Видя, как представители власти и комсомольские активисты грабят и разрушают енисейские церкви, арестовывают священнослужителей, епископ Лука не побоялся давать отпор этой вакханалии. Помимо открытия церкви он участвовал в диспутах на религиозные темы и старался пристыдить разрушителей [Там же, с. 159]. Но это их не останавливало.

Самые ярые и молодые безбожники Енисейска всячески издевались над чувствами верующих и священнослужителей, не гнушаясь их сана и авторитета. К примеру, М.А. Поповский пишет о Дмитрие Щукине, который был одним из первых секретарей райкома комсомола города. Бравый молодой человек с другими ребятами «разыгрывали смешные сценки про попов и монахов» [Там же, с. 158]. На рождественских и пасхальных карнавалах эти комсомольцы мастерили чучела духовенства и демонстративно их сжигали [Там же]. Комсомольцы под руководством своего вожака рушили церкви. Также Дмитрий Щукин был автором-исполнителем антирелигиозных песен и частушек, некоторые из которых были посвящены епископу Луке [Там же, с. 158–159].

Безусловно, открытое давление властей, репрессии и разные формы противостояния религии, среди которых отсутствие мер к тем, кто проявляет грубость в отношении священнослужителей и верующих, не могли пройти бесследно для общества, включая и молодёжную среду. Уже к середине 1920-х гг. молодые люди стали редко посещать церкви и редко участвовали в религиозной жизни. В молодёжную среду всё сильнее проникал атеизм [4, с. 49].

Актив общин верующих в Енисейске в основном составляли люди старшего возраста, числом 20–100 человек [Там же, с. 52]. Они решали большинство вопросов своего прихода: выбор церковных старост, членов совета общин и др. Это были, как правило, интеллигентные и обеспеченные люди, не потерявшие веры. По ним большевики направили свой главный удар. Положение в рабочей среде было иным. Так, например, Енисейский губком партии в 1923–1925 гг. констатировал факт падения религиозности среди рабочих [Там же, с. 49], которых считали опорой новой власти. Из простых людей большую часть верующих составляли крестьяне, для которых вера оставалась не только традицией, но моральной и духовной опорой в жизни. Верующие крестьяне открыто выступали против советской власти и «примыкали к антисоветским вооруженным отрядам» [Там же, с. 69].

Когда по стране в 1919 г. разразилась кампания по вскрытию мощей святых, достигшая своего пика в 1920 г. [10, с. 303], енисейские власти и активисты не остались в стороне. Несмотря на то, что в Енисейской губернии кампания по вскрытию мощей святых широко не распространилась, поскольку была свёрнута по указанию центральной власти [4, с. 81], один эпизод енисейцам запомнился надолго. Уже упомянутый доктор А.В. Башуров был свидетелем вскрытия могилы святого старца Даниила Ачинского, почившего в Енисейске в 1843 г. Решение о вскрытии было принято Енисейским губернским комитетом РКП(б) 25 апреля 1921 г. [10, с. 306]. На специально организованном митинге присутствовали представители местных организаций и учреждений, медработники, а также насельники мужского и женского монастырей. Из построенной над могилой святого старца часовни на всеобщее

обозрение были вынесены его останки [14, с. 173–174]. Что при этом чувствовали верующие и священнослужители догадаться не сложно, но не все они приняли религиозную политику большевиков. Наиболее ярко это выразится в 1924 году, когда на енисейской земле окажется епископ Лука (Войно-Ясенецкий) и буквально взбудоражит местное общество.

Из приведённых выше сведений о деятельности владыки Луки в Енисейске явствует, что он не мог без Церкви, ради неё ступил на исповеднический путь и мужественно терпел все тяготы и лишения ссыльного и заключённого человека. Исповедническим подвигом объясняется открытое и смелое поведение ссыльного епископа в самый разгар гонений на Российскую Церковь.

Уверенность владыки Луки и его верность Православию привлекали на его сторону не только тех, кто в то тяжёлое время решился стать священнослужителем или монахом, но и многих верующих людей. Все они противостояли гонителям и обновленцам. Безусловно, православным енисейцам и приезжим в город важен был яркий пример лидера, каким стал для них епископ Лука. Поэтому эти люди, получив благодатный и мощный духовный заряд, не посещали пустующих обновленческих храмов. Позже на допросе 11 марта 1939 г. владыка Лука скажет о своих архиерейских полномочиях: «Я открыто объявил себя единственно законным епископом Красноярским и Енисейским, согласно общей директиве Патриарха Тихона» [7, с. 125]. Патриарх знал, что его верный труженик и защитник Церкви отбывает сибирскую ссылку. Но, к сожалению, ничем помочь не мог, – он сам был в сложном положении. После заточения 25 июня 1923 г. патриарх вернулся к своим обязанностям, что отчасти стало возможным благодаря формальному изменению своей жёсткой позиции по отношению к большевистской власти. Так, в обращении к Церкви были такие слова патриарха Тихона: «Я, конечно, не выдавал себя за такого поклонника советской власти, каким объявляют себя церковные обновленцы... но зато я и далеко не такой враг ее, каким они меня выставляют» [15, с. 396]. Даже эти фразы, взятые из обращения, свидетельствуют о вынужденном характере изменения политики патриарха. В январе 1924 г., в тот самый месяц, когда епископ Лука прибыл в Енисейск, патриарх «издал указ о молитвенном поминовении государственной власти за богослужением: “О стране Российской и властех ея”, а 21 марта 1924 г. Президиум ВЦИК принял постановление о прекращении дела патриарха Тихона» [Там же, с. 398].

Ясно, что дело было не только в международной известности патриарха Тихона Церкви, но и в его поведении и умении ладить с большевиками. Поэтому, хотя патриарх и одобрял смелость в поведении владыки Луки в енисейской ссылке, но, сам находясь под давлением власти, мог поддержать епископа только морально. И это показывает истинное настроение и расположение патриарха. 30 мая 1924 г. православные г. Ташкента обратились в Президиум ВЦИК СССР с просьбой вернуть владыку Луку из ссылки, на что устно был получен положительный ответ. Об этом было сообщено в докладной записке патриарху Тихону, на которой «7 июня 1924 г. <...> он написал: “Слава Богу”» [5, с. 179].

Разумеется, ни о каком возвращении епископа Луки не могло быть и речи. Тем более, что владыка не собирался идти на компромисс с местной властью. Этим он слишком раздражал и злил власть имущих. Поэтому такое идущее вразрез с государственной антирелигиозной политикой поведение ссыльного не могло остаться без последствий. В подтверждение этому В.А. Лисичкину удалось найти телеграмму за подписью начальника ГПУ по Восточной Сибири тов. Вольфрама, датированную 19 августа 1924 г. В ней сказано: «Запретить Луке-Ясенецкому служить в храмах, поторопитесь высылкой Туруханск» [8, с. 159]. Кроме этого, 21 августа того же года живоцерковник И.П. Королёв, в 1922 г. включённый обновленческим епископом Александром Сидоровским в красноярское епархиальное управление, писал

обновленческому священнику В. Д. Красницкому: «Этот ЛУКА (Войно-Ясенецкий. – С. К.) в Енисейске действует иногда епископски: служит, рукополагает и тому под[обное]. Держится реакционно и непримиримо. Священников даже косвенно причастных к Ж[ивой] Ц[еркви] ненавидит и называет еретиками. Строгость его тяжела даже его последователям. Запрашивают меня как быть? Теперь он передвинут в Туруханск врачом (он бывший профессор-хирург) и может быть там несколько успокоится» [10, с. 331].

Приведённые выдержки из документов в комментариях не нуждаются. Краски вокруг владыки Луки сгущались. Раздражение властей было вызвано ещё и тем, что на состоявшемся в Енисейске 1 июля 1924 г. общем собрании членов приходских советов было принято решение не принимать Красноярского и Енисейского неканонического архиепископа Георгия. При этом благочинного на собрании не было [14, с. 176]. Ясно, что объявивший себя каноническим епископом Лука (Войно-Ясенецкий) своим непререкаемым авторитетом и энергией влиял на положение церковных дел. Активность священнослужителей и мирян и отсутствие благочинного на важном собрании может свидетельствовать лишь о том, что официальный представитель енисейского духовенства сознательно не принял в нём участия. Несмотря на то, что обновленческий епископ не был принят, большевикам частично удалось добиться своего: церковное разделение продолжалось, даже если и не всё проходило гладко для новой власти.

Обновленчество временно возобладало над канонической церковью. Так, Г.В. Малашин в своей книге приводит следующие цифры. В середине 1920-х гг. в Красноярске староцерковников (православных. – С. К.) было 630 человек, обновленцев – 1 100 чел., из семи городских церквей только две из них, Воскресенский собор и Николаевская церковь, оставались в ведении православного духовенства, «остальные пять были в пользовании живоцерковников и обновленцев» [10, с. 327]. В уездах до конца 1920-х гг. обновленцы владели большинством храмов [Там же].

Разумеется, наступление власти на Церковь остановить было сложно. Поэтому открылённые успехом обновленцы торжествовали победу. Но были сильные духом архиереи и пастыри, которые, подобно владыке Луке, противостояли обновленцам и добивались открытия храмов. Одним из таких борцов был епископ Димитрий (Вологодский), названный обновленцем И. П. Королёвым «старым, вялым, бездеятельным и непригодным администратором, целиком отдавшимся власти кулачества и укрепившимся в непримиримой ненависти» «ко всякому проявлению обновленчества в Церкви» [2, с. 369]. Однако по словам того же Королёва, к владыке Димитрию примкнуло «до 50 южных приходов» [Там же]. В конце письма доносчик резюмирует: «Надо что-то сделать, чтобы устранить это (влияние епископа Димитрия на народ и ненависть к обновленчеству. – С. К.)» [там же]. И.П. Королёв, по всей видимости, обладал не всей информацией об активной деятельности «непригодного администратора». Так, Г.В. Малашин сообщает, что после прибытия из Москвы 29 июля 1923 г. в Минусинск вновь поставленного епископа Димитрия (Вологодского) местное обновленчество стало сдавать позиции: «95 минусинских и усинских приходов вернулись в лоно “тихоновской” Церкви» [10, с. 333], а некоторые обновленческие священники принесли покаяние.

Именно к православному владыке Димитрию в г. Минусинск по причине засилья обновленцев в Красноярске местные верующие отправили уже упомянутого монаха Христофора. Но он оказался не в Минусинске, а в Енисейске, где отбывал ссылку другой православный архиерей, епископ Лука (Войно-Ясенецкий), который и рукоположил неожиданного гостя в иеромонаха [9, с. 45].

На страницах своей автобиографии В. Ф. Войно-Ясенецкий, рассказывая об этом эпизоде, пишет, что не помнит имени минусинского епископа [Там же]. Но

воспоминание о нём владыка Лука пронёс через всю жизнь и не позабыл о том, что в тяжёлое для Российской Церкви время в Минусинске, «верст за триста от Красноярска <...> жил православный епископ» [Там же]. Он так же, как и владыка Лука, пострадал в борьбе с обновленчеством. В 1924 г. епископ Димитрий подвергся уголовному преследованию и в 1937 г. был расстрелян (или погиб в заключении) [16, с. 378]. Так в борьбе за чистоту Православия в годы большевистской власти сложилась жизнь двух духовно близких архипастырей, прославивших Церковь исповедническим и мученическим подвигами.

Заключение

Итак, став епископом в Пенджикенте 31 мая 1923 г. и арестованный 10 июня того же года в Ташкенте, епископ Лука (Войно-Ясенецкий) вскоре отправился в свою первую ссылку в Енисейск. В период жизни в этом сибирском городе у свт. Луки отчётливо проявились черты исповеднического подвига и ревностного служения Церкви. Проходя через тяготы и унижения человека, неугодного власти большевиков, владыка Лука сознательно, по вере в Господа Иисуса Христа, минимизировал свои переживания и расстройств, сосредоточившись на главном для него: архипастырском служении и работе хирурга. Не испытывая страха перед гонителями и притеснителями, свт. Лука, имея страх Божий и любовь к Богу и людям, выстоял в тяжёлой ссылке и не допустил уничтожения Православия в Енисейске.

Список литературы и источники

1. Библия. Книги Священного Писания Ветхого и Нового Завета. М.: Российское Библейское общество, 2014. 1329 с.
2. Да светит всем!: альбом о земной и небесной славе Святителя Луки Крымского : в 2 т. / автор проекта и составитель митрополит Лазарь (Швец); комментарии, примечания, сноски Т. С. Шорохова (Чичкина). Симферополь: Н. Орианда, 2018. Т. 1. 576 с.
3. Дамаскин (Орловский), архим. Житие священноисповедника Луки (Войно-Ясенецкого), архиепископа Симферопольского и Крымского. Козельск: Введенский ставропигиальный мужской монастырь Оптиная пустынь, 2018. 240 с.
4. Дворецкая А.П. Религиозная жизнь населения Приенисейского региона в первой трети XX в. (1900–1930-е гг.): монография. Красноярск: Сиб. федер. ун-т, 2015. 188 с.
5. Косачев И.Д., Гладких П.Ф., Яковлев А.Е. Профессор В.Ф. Войно-Ясенецкий – архиепископ Лука: врачевание и священнослужение (1877–1961). СПб.: ВМедА: Дмитрий Буланин, 2013. 622 с.
6. Крестный путь святителя Луки (Войно-Ясенецкого): Жизнеописание, чудеса, акафист / сост. Е.В. Каршилов. М.: ООО «Духовное преображение», 2018. 576 с.
7. Лисичкин В.А. Крестный путь Святителя Луки. М.: Издательство Московской Патриархии, 2001. 448 с.
8. Лисичкин В.А. Лука, врач возлюбленный. М.: Издательский Совет Русской Православной Церкви, 2009. 456 с.
9. Лука (Войно-Ясенецкий), архиеп. Я люблю страдание...: автобиография. М.: Русский Хронограф, 1996. 208 с.
10. Малашин Г.В. Красноярская (Енисейская) епархия РПЦ: 1861–2011 гг. Красноярск: Издательский дом «Восточная Сибирь», 2011. 480 с.
11. Набор открыток «В земле Сибирской Просиявших...». Красноярск, 2014.
12. Поповский М.А. Жизнь и житие Святителя Луки (Войно-Ясенецкого), архиепископа и хирурга. СПб. Сатись, Держава, 2002. 528.
13. Протокол заседания президиума Енисейского горсовета РКК депутатов от 29 июля 1924 г. // Енисейский архив. Ф. Р-27. Оп. 1. Д. 3. Л. 25об.